

человѣческія страданія, которыя онъ видѣлъ въ дореформенное время, остались во всей силѣ и теперь.

Вотъ эти ненужныя человѣческія страданія Толстой между прочимъ и описываетъ въ своемъ романѣ. Съ этою цѣлью онъ и посыпаетъ своего героя въ самыя, что называются, глубины человѣческой скорби и почти однімъ взмахомъ пера возрождаетъ его изъ эгоиста, разжирѣвшаго буржуа—въ сочувствующаго и сострадательнаго толстовца. Хотя, впрочемъ, Нехлюдовъ не совсѣмъ ужъ загрубѣлый эгоистъ,—вѣдь и онъ частью принадлежалъ къ обществу „прогрессистовъ“, которые, какъ я сказалъ, симпатизировали разнымъ преобразовательнымъ начинаніямъ, защищали земства, гласность, судъ присяжныхъ и т. п. Можетъ быть, и не глубока была въ немъ эта вѣра, но онъ все же жилъ ею, какъ большинство людей его круга, не желающихъ прослыть „отсталыми“. Онъ жилъ, какъ мы видимъ, до тѣхъ поръ, пока самъ не попалъ въ присяжные, пока роковая встреча съ Масловой не произвела въ немъ душевнаго кризиса. Такого толчка Нехлюдову, по моему мнѣнію, было совершенно достаточно для того, чтобы понять свое ложное положеніе, занимаемое въ жизни, и чтобы видѣть тотъ самообманъ, въ которомъ преъбываетъ общество, думая съ помощью разныхъ палліативовъ облегчить положеніе страждущаго люда. Интересно по этому поводу послушать бесѣду Нехлюдова съ зятемъ, относительно хотя судовъ. Разговоръ, читаемъ мы въ романѣ, начался со злобы дня. Рѣчь шла о дуэлистиахъ.

— Что бы сдѣлалъ судъ (съ дуэлистами)? спросилъ Нехлюдовъ?

— Приговорилъ бы одного изъ двухъ дуэлистовъ, какъ обыкновенныхъ убійцъ, къ каторжнымъ работамъ.

У Нехлюдова опять похолодѣли руки, и онъ горячо заговорилъ.

— Ну что же бы было? спросилъ онъ.

— Было бы справедливо.

Точно какъ будто справедливость составляетъ цѣль дѣятельности суда (курс. нашъ),—сказалъ Нехлюдовъ.

— Что же другое?

— Поддержаніе сословныхъ интересовъ. Судъ, по моему, есть только орудіе для поддержанія порядка вещей, выгоднаго нашему сословію.